

Говорят, блаженство — в неведении, и Флер, признаться, была склонна согласиться. Она мучилась чувством вины за то, что два дня назад загнала Гарри в угол, но, услышав в интервью упоминание о Дурслях — и осознав, что Дамблдор как-то с ними связан, — не смогла остановиться. Теперь она знала, каким было его детство, и была в ужасе. Конечно, Гарри не виноват. Она сразу поняла, что он рассказал не всё — лишь достаточно, чтобы подтвердить ее подозрения и дать понять, что он до сих пор глубоко переживает прошлое, — но вместо того, чтобы выпытывать подробности, она обратилась к отцу. И то, что она узнала, превзошло все ее худшие опасения. Пытаясь ее отговорить, он, наконец, сдался и показал ей некоторые из воспоминаний Вернона. Из его уст лились истории о рабстве и пытках, и Флер невольно задавалась вопросом, как Гарри вообще смог выжить. Единственным утешением было то, что отец категорически отказался показывать ей самые страшные воспоминания, за что она была ему несказанно благодарна. Как кто-то мог пережить такое и остаться таким добрым и нежным, как Гарри, для нее оставалось загадкой. Это лишь подчеркивало, насколько он особенный, и что судьба благословила ее грядущим браком. Она больше не сомневалась, что он подарит ей счастливую жизнь; просто он был таким, какой он есть, до самой глубины души. Но ей было интересно, что именно судьба дала ему взамен. Насколько она могла судить, ей досталась лучшая часть сделки. Конечно, она была красива и, возможно, даже умна, но это было всё, что делало ее особенной. У нее не было ни благородства, как у него, ни его беспримерной силы и храбрости. Она была обычным человеком с богатым социальным багажом. Гарри заслуживал гораздо большего, но она ничего не могла с этим поделать. Единственной альтернативой для нее была смерть, а это уже не вариант. Она быстро пришла к выводу, что готова пойти на это ради него — что пугало ее — но ее смерть полностью уничтожит его, просто потому, что он знал, что мог бы предотвратить это. Вся его жизнь была украдена с самого начала. Потеряв родителей, он попал в дом, который был не просто лишен любви, а полон ненависти к нему. Он не получил в детстве ни одного удовольствия, как большинство детей, и было чудом, что эти люди не убили его, как рассказывал ее отец. А теперь у него еще и украли будущее, и это Флер не устраивало, особенно если учесть, что это она его украла. У него никогда не будет возможности выйти в мир и найти свою любовь. Никогда он не сможет испытать радость, покорив сердце какой-нибудь счастливой женщины. У него больше не было выбора. Он уже был бы женат, когда его друзья гуляли в барах и тавернах, "гоняясь за хвостом", как говорили магглы. Он столкнулся бы с семейными проблемами, пока они вели беззаботную жизнь, и мог бы только наблюдать со стороны. Его судьба была предрешена, его выбор был сделан за него какой-то бесчувственной космической силой. Флер готова была предложить ему всё, что могла, но будет ли этого достаточно, чтобы возместить то, чем он жертвует? Эти мысли крутились в ее голове уже два дня, и она не могла от них избавиться. Она только и делала, что старалась не смотреть на него во время еды — это было почти единственное время, когда она могла его видеть. До сих пор ее усилия казались успешными, но она не удивилась бы, если бы Гарри знал, что ее что-то беспокоит; он был очень проницателен. Утром в пятницу ничего не изменилось, и Флер снова постаралась отогнать мрачные мысли в сторону, когда подошла к столу, чтобы позавтракать. Флер улыбнулась, когда увидела ее, а реакция Рона была такой же, как и всегда. Близнецы тихо болтали друг с другом — вероятно, затеяли какую-то шалость, — а Невилл не сводил взгляда со своей девушки, скорее всего, чтобы не поддаваться притяжению Флер. И тут Гарри обернулся, и его лицо озарила маленькая, застенчивая улыбка. — *Bonjour, ma belle déesse Fleur*, — тихо поприветствовал он. Флер восхищенно улыбнулась и поцеловала его в щеку в знак приветствия, опустившись на сиденье рядом с ним. — Прекрасная богиня цветов? — повторила она в ответ на забавном английском. — В то время это звучало хорошо, — застенчиво пожал он плечами. — Это правда, не так ли? Флер хихикнула, довольная его хорошим настроением. — Да, — ответила она безразлично. А потом добавила: — *mon beau héros*. Он сосредоточенно наморщил лоб, прежде чем... — Мой прекрасный герой? — неуверенно спросил он, даже когда его щеки залил румянец. Глаза Флер расширились. — Да, я впечатлена! — сказала она с яркой улыбкой. — Я

тоже, — ухмыльнулась Флер, — но я думаю, что он просто ищет ласковые слова. Флер фыркнула, улыбнулась Гарри и еще раз чмокнула его в щеку; комплимент, который он ей сделал, легко стоил вознаграждения. И тут Рон снова испортил момент, издав рвотный звук. Гарри повернулся, чтобы посмотреть на него, и Флер закрыла глаза, ее губы сжались в тонкую линию. Мальчик действовал ей на нервы; она быстро достигла своего предела. Если он не будет осторожен, то получит дозу ее вспыльчивости, а не просто ее обычного отношения, что не доставит ему удовольствия. Она могла только надеяться, что Гарри не будет слишком раздражен, когда это случится. Когда, а не если, в этом она была уверена. — Прекрати, Рон! — нахмурилась Флер. — Как бы тебе понравилось, если бы мы сделали это с тобой? А Флер просто не могла удержаться. — Для этого ему придется сначала завести подружку, Флер, — сказала она с вызовом, пристально глядя на мальчика-идиота. — Я не думаю, что ему когда-нибудь придется беспокоиться. Рон покраснел от гнева и нахмурился на нее, казалось, не находя слов, даже когда несколько соседних девочек кивнули в знак согласия. Близнецы громко захихикали и подмигнули ей за ее проблемы. Флер и Невилл ухмыльнулись, причем первая кивнула с мудрым видом. А Гарри... Гарри упрямо сосредоточился на своем завтраке.

<http://tl.rulate.ru/book/91949/2968009>